

ВВЕДЕНИЕ

Языковая ситуация в древней Новгородской земле

§ 0.1. Новгородская земля в широком смысле включала коренную новгородскую территорию¹, а также Псковскую землю и обширную территорию позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке.

При описании языковой ситуации в Новгородской земле XI–XV вв. следует различать не менее пяти славянских идиомов.²

1. Церковнославянский язык. Как и во всей остальной Руси, он выступал здесь в функции церковного и литературного языка.

2. Идиом, который мы будем ниже обозначать как “наддиалектную форму древнерусского языка” или просто как “наддиалектный древнерусский” (в качестве синонима может быть использовано также наименование “стандартный древнерусский язык”, которое было принято в ДНД₁ и в ряде других работ). Эта форма древнерусского языка применялась (хотя бы в некоторых ситуациях) в качестве социально престижной на всей территории древней Руси. Из общих соображений можно предполагать, что она была в большей или меньшей степени ориентирована на столичный, т. е. киевский, говор (но конкретных данных в этом отношении, к сожалению, почти нет). Именно эта форма обычно описывается просто под именем древнерусского языка в исторических курсах. В Новгородской земле данная форма языка употреблялась главным образом при составлении официальных документов — политических (договоры и т. п.) и юридических.

Примерно до конца XIII в. наддиалектная форма древнерусского языка в основном едина для всей древней Руси. С XIV в. на будущей великорусской территории функцию основных представителей данной системы начинают выполнять владимиро-суздальские и московские документы. Соответственно, с точки зрения Новгорода наддиалектная форма древнерусского языка начинает отождествляться в эту эпоху с его московской формой.

Прочие идиомы, представленные в Новгородской земле, носили уже не общерусский, а местный характер.

3. Древнепсковский диалект — совокупность местных говоров Псковской земли (и, вероятно, также смежных с ней частей западных новгородских пятин — Шелонской и Водской).

¹ Для поздней эпохи (после присоединения Новгорода к Московскому государству) известно административное деление этой территории на пятины — Шелонскую, Водскую, Деревскую, Бежецкую и Обонежскую. Это деление в ряде случаев удобно использовать и при разборе явлений, относящихся к более ранней эпохе.

² Мы пользуемся здесь хотя и малоупотребительным, но практически полезным термином “идиом” (см. Марузо 1960: 114) в качестве обобщающего обозначения для языка, диалекта и говора.

4. Совокупность восточноновгородских говоров, т. е. говоров а) коренных новгородских земель к северо-востоку и к востоку от Новгорода, б) территории позднейшей новгородской колонизации на северо-востоке.

5. Диалект самого Новгорода и непосредственно прилегающих к нему районов. Он близко сходен с древнепсковским, но имеет в то же время отдельные черты, совпадающие с восточными говорами.

С возникновением Новгорода и превращением его в политический центр этот диалект, по-видимому, приобрел также функцию койне, т. е. идиома наддиалектного характера, который мог в той или иной мере использоваться на всей территории древненовгородского государства, особенно в городах (см. Зализняк 1988а). Уже имеющиеся компромиссные черты в его структуре облегчали его использование в роли койне, а сама эта роль способствовала дальнейшему развитию таких черт.

Мы будем называть идиом 5 древненовгородским диалектом в узком смысле (о широком смысле см. ниже). Этот же идиом 5 может быть обозначен и как древненовгородское койне — в случаях, где существенна его функция, а не происхождение.

Нам будет постоянно необходимо, кроме того, оперировать с тем единством, которое образуют идиомы 3 и 5. Мы будем обозначать это единство как древний новгородско-псковский диалект. Таким образом, строго говоря, идиомы 3 и 5 должны рассматриваться как поддиалекты этого диалекта. Однако, чтобы не усложнять терминологию, мы позволяем себе не употреблять тяжеловесного термина “поддиалект”, а называть диалектом как новгородско-псковский, так и каждую из двух его ветвей: древненовгородский (в узком смысле) и древнепсковский.

Примечание. В славистической литературе пока еще нет единого устоявшегося обозначения для того, что здесь названо древним новгородско-псковским диалектом. Часть исследователей использует именно это название. В ДНД₁ мы пользовались термином “севернокривичский”. Употребляются также термины (Early) North Russian и North-West Old Russian.

Особую проблему, относящуюся уже не к лингвистике, а к сфере археологии и этногенеза, составляет соотнесение различных восточнославянских идиомов с известными из летописи племенами. В работе Зализняк 1988а была предложена гипотеза о соотнесенности древнепсковского диалекта с кривичами (точнее, с их северной группировкой), а восточноновгородских говоров — с ильменскими словенами. В ДНД₁ использованы основанные на этой гипотезе обозначения диалектов. Необходимо признать, однако, что с этой гипотезой сопряжены две существенные трудности: а) древненовгородский диалект в узком смысле близко сходен с древнепсковским, тогда как летопись называет Новгород городом словен; б) самые своеобразные фонетические и морфологические черты древнепсковского диалекта в южнокривичской (смоленско-полоцкой) зоне отсутствуют. Хотя эти трудности и не представляются нам непреодолимыми, мы все же считаем целесообразным в дальнейшем придерживаться в этом вопросе не племенной, а чисто географической терминологии. Это позволит нам более четко ограничиться в настоящей книге собственно лингвистической проблематикой (где уровень надежности на порядок выше, чем в проблематике этногенеза).

§ 0.2. Специфическое обстоятельство, осложняющее наше описание, состоит в том, что, насколько позволяют судить имеющиеся ныне данные, западные и восточные говоры древней Новгородской земли не являются результатом распада некоего

единого “прановгородского” диалекта. Иначе говоря, западные и восточные говоры Новгородской земли не связаны между собой исключительным родством, т. е. более близким, чем со всеми другими славянскими диалектами. Древний новгородско-псковский диалект очень заметно отличался от наддиалектной формы древнерусского языка (причем наиболее последовательно специфические новгородско-псковские черты были реализованы в древнепсковском диалекте); между тем восточно-новгородские говоры стояли сравнительно близко к наддиалектному древнерусскому. Взаимодействие и сближение западных и восточных говоров Новгородской земли происходило уже как следствие их контакта и сосуществования в рамках единого древненовгородского государства. Этот процесс был принципиально сходен с начальным этапом процессов языковой консолидации в других славянских территориально-политических объединениях. Если бы древненовгородское государство продолжало самостоятельное существование, этот процесс должен был бы привести к формированию особого восточнославянского языка, подобно, например, белорусскому или украинскому. Таким образом, с историко-лингвистической точки зрения, в XI–XV вв. совокупность местных идиомов Новгородской земли (№ 3–5) образовывала пучок диалектов, развитие которого в самостоятельный язык было прервано с концом новгородской независимости и включением Новгородской земли в состав Московского государства (т. е. это своего рода “предъязык”, которому не суждено было развиваться дальше этой фазы).

Ниже мы будем обозначать совокупность идиомов 3, 4 и 5 как древненовгородский пучок диалектов или (несколько расширяя обычное значение термина “диалект”) как древненовгородский диалект в широком смысле. Первое наименование уместно там, где существенно происхождение этой совокупности, второе — там, где существенна ее функция в древненовгородском государстве.

Различая древненовгородский диалект в узком и в широком смысле, мы будем, однако, опускать эти уточнения там, где выбор смысла однозначно диктуется контекстом, а также там, где данное противопоставление несущественно.

Здесь необходимо остановиться также еще на одной проблеме общего характера. Слово “диалект” в нормальном случае предполагает вопрос: какого языка? Коль скоро средство общения восточных славян XI–XIV вв. мы именуем древнерусским языком, древненовгородский диалект, разумеется, выступает как диалект древнерусского языка. Следует учитывать, однако, что такие названия, как древнерусский язык, древнечешский язык и т. д., отражают в первую очередь взгляд со стороны современных языков (русского, чешского и т. д.). Самостоятельность современного русского языка несомненна, отсюда кажущаяся очевидность того, что древняя фаза развития того же объекта должна именоваться древнерусским языком. Ситуация выглядит несколько иначе, если взглянуть на нее не из современности, а с позиции людей, например, IX–XI вв. Как уже многократно отмечалось исследователями, языковые различия между всеми славянскими племенами, скажем, в XI в. с чисто синхронической точки зрения не выходят по своему масштабу за рамки междиалектных различий, существующих внутри любого современного языка. Взаимное понимание между всеми славянами в это время еще не составляло особых трудностей. С этой точки зрения мы вправе говорить еще и в XI в. о позднем праславянском языке и его диалектах. Соответственно, древненовгородский диалект этого раннего периода предстает просто как диалект позднего праславянского языка, входящий в группу восточнославянских диалектов. Учитывая двойственный характер описан-

ной ситуации, мы считаем допустимым и практически удобным в дальнейшем говорить просто о древненовгородском диалекте (не уточняя, какого языка, если в этом нет специальной необходимости).

При изучении всех разновидностей славянской речи в древней Руси обнаруживается необходимость подразделить их историю на два периода: ранний и поздний. Лингвистической границей между ними служит процесс падения редуцированных. К раннему периоду относится время до этого процесса и время протекания самого процесса, к позднему — время после его завершения. Судя по данным берестяных грамот, в древненовгородском диалекте (по крайней мере, в узком смысле) данный процесс завершается в 1 четверти XIII в.

Задача и строение работы

§ 0.3. Главная задача настоящей книги — описать древненовгородский диалект (прежде всего в узком смысле) в том виде, как он отразился в берестяных грамотах, т. е. в основном источнике наших нынешних сведений о нем, а также продемонстрировать сами тексты этих грамот, заново выверив их и снабдив лингвистическим комментарием. Поскольку дошедшие до нас берестяные грамоты покрывают большой хронологический интервал (с XI по XV в.), их лингвистическое описание должно отражать также эволюцию изучаемого диалекта на протяжении этого времени. При этом в центре нашего внимания находится первая половина указанного интервала (соответствующая раннедревнерусскому периоду), так как для этой эпохи берестяные грамоты оказываются почти единственным свидетельством живой древнерусской речи.

Сверх указанной главной задачи, имеются также и дополнительные: во-первых, отметить др.-новг. диалектные черты в других новгородских документах, помимо берестяных грамот, — в первую очередь в надписях, пергаменных грамотах и летописи (где эти черты обычно представлены не последовательно, а лишь в качестве отклонений от наддиалектного др.-р. или даже от ц.-сл. языка); во-вторых, сравнить в общих чертах др.-новг. диалект с другими диалектами древней Руси. Но эти дополнительные задачи решаются, в отличие от главной, без всякой претензии на полноту. В частности, материал пергаменных грамот и летописи, хотя он был многосторонне исследован нами, приводится лишь выборочно — в основном по тем пунктам, где он существенным образом дополняет показания берестяных грамот.

Описываются прежде всего реально наблюдаемые факты XI–XV вв. Вопросы предыстории рассматриваемых явлений занимают в настоящей книге второстепенное место; мы касаемся их лишь кратко и далеко не во всех случаях. С другой стороны, в задачу книги не входит последовательный анализ позднейшей эволюции др.-новг. диалекта и его следов в современных говорах (хотя некоторые частные вопросы из этой проблематики при необходимости и обсуждаются).

Таким образом, книга ни в коем случае не должна рассматриваться лишь как своего рода развернутое обоснование тех или иных гипотез о происхождении основных особенностей др.-новг. диалекта и самого этого диалекта в целом. Напротив, собственно фактографическая, констатационная часть описания, являющаяся основной, строится, насколько это возможно, независимо от таких гипотез (во всяком случае, отделена от них) — с тем, чтобы ее ценность определялась только степенью ее точности и полноты, а не возможной дальнейшей судьбой этих гипотез.

Подчеркнем, кроме того, что книга предназначена служить не только сводом лингвистических обобщений, но в не меньшей степени также и сводом самих древненовгородских берестяных документов, выверенных более точно и более критично, чем в их первых изданиях.

Название “Древненовгородский диалект”, выбранное для настоящей книги, следует понимать как сокращенное, вместо “Древненовгородский диалект (в узком и широком смысле)”. При этом, однако, как видно из сказанного выше, основное внимание в настоящей книге уделено древненовгородскому диалекту в узком смысле.

§ 0.4. Книга состоит, если не считать введения и указателей, из двух частей. Часть первая — это основные сведения о фонетике и грамматике др.-новг. диалекта (в первую очередь в узком смысле, но с указанием особенностей, характеризующих др.-новг. диалект в широком смысле). Она названа просто “Грамматический очерк” — в соответствии со старой традицией, позволяющей называть грамматикой некоторого языка описание всех его аспектов (в том числе и фонетики). Часть вторая — тексты с комментариями (о выборе текстов и о характере комментариев см. с. 227–238).

Часть первая делится на главы и далее на параграфы, часть вторая — на разделы (обозначенные буквой — от А до Д) и далее на статьи (обозначенные номером). Таким образом, внутренняя отсылка типа «§ 1.8», «§ 3.27» адресует читателя к первой части книги, типа «А 7», «Г 40» — ко второй.

Наше описание, как и всякое описание диалекта, сопряжено с той методологической трудностью, что вполне последовательными здесь могут быть только два противоположных крайних решения: 1) полностью автономное описание рассматриваемого идиома, построенное в принципе так же, как описание, скажем, латыни или старославянского; 2) описание одних лишь отличий др.-новг. диалекта от наддиалектного др.-р. языка.

Но при первом решении особенности диалекта потеряются из поля зрения, растворившись в огромной массе фактов, уже известных из описаний наддиалектного др.-р. языка, а при втором решении останутся невыявленными системные отношения внутри диалекта. Отсюда необходимость искать разумный компромисс между этими двумя крайностями. Ниже для разных глав описания приняты, в соответствии со спецификой имеющегося материала, разные степени приближения к решению 1 или 2. Так, описание морфологии стоит довольно близко к решению 1; в прочих главах представлены различные варианты компромисса.

Во всех случаях следует, конечно, учитывать общую ограниченность материала по др.-новг. диалекту. Отсюда неизбежная неполнота грамматических сведений, даже в разделах, построенных в соответствии с решением 1.

На характер изложения в настоящей книге существенным образом влияет то обстоятельство, что значительная часть затрагиваемых тем уже была подробно рассмотрена нами в более ранних работах — в первую очередь Лингв. и Изуч. яз. Это дает нам возможность во многих местах сильно сократить изложение, заменив аргументацию, полемику, длинные списки и т. п. соответствующими отсылками. При этом, однако, мы всё же стремились к тому, чтобы такие отсылки не нарушали связности изложения, т. е. чтобы суть рассматриваемого вопроса была ясна и без обращения к другим работам.

§ 0.5. Укажем также некоторые элементы оформления, принятые в книге.

Используются два способа воспроизведения древнерусского текста:

1. Славянским шрифтом, причем с относительно точной передачей деталей графики. Этот способ используется при воспроизведении полного текста грамот или иных документов (во второй части книги), а также для таблиц.

2. Обычным гражданским шрифтом (с добавлением недостающих букв). Этот способ используется в прочих случаях, в частности, при любом цитировании отдельных слов или фраз. Надстрочные и разделительные знаки при такой передаче опускаются (однако *ї* всё же передается как *ї*; *і* и *і* передаются одинаково как *і*). Титла (в широком смысле, включающем также знаки выноса) сохраняются там, где под ними нет выносных букв (например, *сѣнь*, *гѣнь*, *Бѣ*), но снимаются, если такие буквы есть (например, *счнь*, *Бга*). Кириллические цифры заменяются арабскими. В виде надстрочных передаются: а) *т* в составе *ѣ*; б) буквы, данные в оригинале под титлом; в) из прочих надстрочных букв — только такие, где надстрочная запись служит одновременно приемом сокращения (например, *бра^тя* = *братья*, а не *братя*). Остальные надписанные (или подписанные) буквы ставятся на свое место в строку. Имена собственные даются с прописной буквы. При цитировании фраз могут использоваться (факультативно — там, где это существенно для выявления смысла) знаки современной пунктуации.

При записи текста (равно как при цитировании слова или фразы) в квадратные скобки заключаются буквы, читающиеся в оригинале неоднозначно, в круглые скобки — чистые конъектуры, т. е. буквы, в оригинале отсутствующие, в фигурные скобки — лишние буквы (написанные по ошибке); подробнее см. с. 232–233. В угловых скобках дается нормализованная, т. е. стандартная, запись (§ 1.7).

В переводах квадратными скобками выделяются слова, не имеющие соответствия в оригинале, круглыми — различные пояснения (подробнее см. с. 234).

Знак × заменяет слово “раз”, | означает границу строк, ≠ есть особый вариант знака переноса (см. о нем с. 232). См. также список условных знаков на с. 709.

О способах указания датировок (для грамот и иных документов) см. § 1.5.

При цитировании тех или иных др.-р. текстов не по оригиналу, а по изданию могут быть применены те же приемы упрощения записи, которые указаны выше; техника записи может быть несколько приближена к принятой в настоящей книге; в остальном сохраняются особенности издания.